Схлестнулись они сильно, грязь из-под ног полетела во все стороны, палки со звонким хрустким звуком сталкивались в воздухе, пот со лба застил глаза, и вытереть его было невозможно. Джек не давал ему слабины, пару раз проверил незащищённый бок, первый раз попал, а во второй получил блок и удар ногой в колено такой силы, что свалился в растоптанную грязь. С дикой улыбкой и горящими глазами поднялся, давая Баки передышку и возможность вытереть глаза от грязи, — и встал в стойку по-новой.

Баки уворачивался, как лесной кот, уходил перекатами, не стеснялся бить ногами и головой, когда выдавалась возможность, он вывалялся в грязи до кончика носа и, наконец, в один прекрасный момент пропустил удар — который, Баки видел, должен был снести его с ног и уложить навзничь, выбивая дух. Вот только Джек вдруг сместил его, сделав касательным — и Баки внезапно понял, зачем тот затеял этот показательный бой. В крепости его не видели почти год, а многие из молодняка и не знали, чем занимался младший сын лэрда, каким он был. Здесь стояли вчерашние овцепасы, землепашцы, плотники, жившие за стенами крепости и даже не знавшие его в лицо. И сейчас Джек делал его, Джеймса Бъюхэннана Баарнса, в глазах вчерашних мальчишек великим воином, которому даже однорукость не мешала побеждать умелого, сильного бойца. Лучшего из них. Улыбнувшись этим мыслям, Баки провёл обманную связку и снова вывалял Джека в грязи, затем кинул свою палку в сторону общей кучи и подал Джеку руку.

— Довольно, — сказал он, — позабавились мы на славу. Пора и честь знать.

— И то правда, — Джек протянул ему руку, принимая помощь, и… с силой дёрнул на себя, заваливая в грязь.

Можно было разозлиться, но Баки отчего-то рассмеялся. Улёгся в грязь рядом с Джеком, таращась в летнее синее-синее небо, и смеялся. Словно не было всех тех ужасов, что с ним произошли, словно он — всего-навсего мальчишка, только что получивший свой первый боевой топор. Так было хорошо и легко, солнце пригревало, вокруг кипела жизнь, и он тоже был жив, был частью всего этого.

— Спасибо, — сказал он тихо Джеку, когда они оба отсмеялись.

— Спасибо тебе за бой, мой лэрд. Ты до сих пор лучший воин, в чём я и не сомневался.

Баки фыркнул и всё же поднялся из месива. Всё тело горело и болело, но оно того стоило. И десятники, и молодняк, и даже несколько зазевавшихся служанок, проходивших мимо, смотрели на него с восхищением и неприкрытым желанием притронуться, получить частичку его мастерства и удачи — и это подкупало.

— В умывальню нас не пустят, — задумчиво осмотрев их обоих, изрёк Джек.

— Значит, по-старинке, — хмыкнул Баки, направляясь за конюшни, где в глухом тупике возле стены стояли большие бочки с набранной дождевой водой. Они торопливо разделись догола, сняли со стены деревянный ковш и принялись поливать друг на друга, смывая с волос и тел

начавшую подсыхать грязь.

— Как моя волчица? — спросил Баки, в то же время сетуя на свои длинные волосы. Джек свои в два счёта промыл.

— Ест хорошо, но печальна. Знал бы я, что так будет, придумал бы другой способ, как волка твоего усмирить, не убивая. Но парни, ты сам знаешь, не хотели рисковать. Ни собой, ни лошадьми. Мне правда жаль, — говорил Джек. Он набрал воды снова, и оборвавшаяся струя снова полилась на волосы, заставляя двигать рукой.

— Что прошло — то прошло. Что теперь говорить. Привыкнет, — дёрнул плечами Баки. Хотя сам скучал по хитрому и любопытному волку. Его смерть словно служила напоминанием, что любой день, начинающийся как обычно, может стать последним. И что не стоит терять время в ожидании несбыточного, а идти и брать. Или же взращивать и лелеять то, что имеешь.

Кое-как отмывшись от грязи, они поняли свою ошибку — идти им теперь через весь двор, тряся яйцами и сверкая голыми задами, раз не позаботились об этом раньше и не послали ни одну служанку за чистым.

— Хоть бы кто попался расторопный, — Джек, прикрывая срам ковшом, выглянул из-за стены. Раздался девчоночий визг.

— Леди Роана, ради Пресветлой Богини, прошу простить наш неподобающий вид! Пожалуйста, помогите нам. Пошлите служанку за чистым. Мы обмывались за конюшней с лэрдом Джеймсом после ристалища и не позаботились о смене одежды.

Баки не ожидал, что неугомонная девчонка, опять ошивающаяся у лекарни, посмеет заглянуть в тупик. Стоял, чуть скособочившись, и неловко выжимал длинные волосы рукой, недовольно наблюдая за мутными каплями.

Роана не просто обсмотрела его — с подобающим леди румянцем смущения и неподобающим любопытством тщательно окатила взглядом всё его тело. Закрываться рукой было поздно — а ковш был всего один. Баки отпустил волосы и встал прямо, расправляя плечи.

Девчонка вспыхнула, как соломинка, и, потупив глаза, быстро куда-то убежала.

— Так я её и не понимаю, — вздохнул Джек. — В день несколько слов если скажет — то хорошо. Вот сейчас, то ли пошлёт кого — то ли самим идти. Стой и гадай.

— Если идти, вся крепость визжать начнёт, — хмыкнул Баки.

— Повизжат и перестанут, — пожал плечами Джек.

Тут между конюшней и лекарской появилась немолодая пышнотелая служанка, которую даже Баки помнил по имени. Звали её Бертранда. И она до сих пор могла отчитать кого угодно, как сопливого мальчишку — не взирая на возраст и положение.

— И что вы тут стоите, муди вывалили? Леди Роану зачем напугали? Вот бы я вас хворостиной отходила! Один седой, второй безрукий, а ума всё нету, — она отдала Джеку чистые килты и, всё так же ругаясь, отправилась по своим делам, оставив Баки глупо улыбаться.

— Какая женщина! — выдохнул мечтательно Джек. Баки не выдержал и в голос прыснул.

После переодевания Баки всё же зашёл к Хмаге. Без опаски открыл самое дальнее стойло и шагнул внутрь. Волчица и правда выглядела печальной, но при виде его забила мохнатым хвостом.

— Я пришёл, девочка, всё хорошо. Скоро пойдём домой, — он сел рядом с ней на сено и, поглаживая между ушами, говорил ей всякую ерунду. Он даже было подумал, не лучше ли выпустить её за стенами крепости, но не решился. Множество детей гуляло за воротами и рвом, много овец паслось на холме неподалёку. Он не будет её выпускать. — Будем идти весь день, или бежать, если ты захочешь. И Стив будет с нами.

Волчица лишь доверчиво перевернулась пузом кверху, вызывая яростное желание прилечь тоже, уткнуться головой ей под живот и забыть последние события, сменяющие друг друга так же быстро, как летние дни.

Он гладил её по голове — а она слушала, изредка прядая ушами и приоткрывая жёлтый глаз. Так его и нашёл парень-конюх. И потянул с собой — помогать осматривать оставшихся лошадей на наличие всех подков и вести учёт неподкованных, чтобы передать кузнецу наказ. Работа была не сложная, но физически тяжёлая. Баки говорил с лошадьми и удерживал их за гривы, чернявый крепыш Шон поднимал копыта и делал пометки на тонкой деревянной дощечке углём. Некоторые лошади были строптивы и хотели проявить характер, но Баки умел обращаться с ними — заговаривал так, что лошадь почти не обращала внимания на то, что кто-то переставляет ей копыта. К чести конюшего, работал он споро и без докучливых разговоров, которые Баки терпеть не мог. Что он мог рассказать молодому парнишке Шону? Что жизнь тяжела и опасна, и таит в себе неизведанные испытания каждый день — такие, к которым ты чаще всего не готов? Он даже не поймёт смысла произнесённых слов.

http://tl.rulate.ru/book/3459/83669